

С.С. Ахметов Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы
e-mail: akhmetov1985@mail.ru**ОБРАЗ БАТЫРА СУРАНШИ В ПОЭМЕ Ж. ЖАБАЕВА
И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

Достойное место среди исторических деятелей Казахстана занимает батыр и бий Суранши. Как один из известных военных командиров, дипломатов и политических акторов своего времени, т.е. второй-третьей четверти XIX века, Суранши-батыр привлекает закономерное внимание с точки зрения научно-исторического исследования. Не меньший интерес вызывает и художественный образ, созданный акыном Ж. Жабаяевым в поэме «Суранши-батыр». В данной статье была предпринята попытка изучить образ Суранши-батыра и художественную концепцию автора, сопоставить драматические процессы, описанные в поэме, с фактическими историческими явлениями, подтвержденными научными источниками.

Поэма акына представляет собой интерес со стороны филологической, литературоведческой и исторической дисциплин. Как произведение из дореволюционного репертуара акына, оно обуславливает потребность в углубленном, междисциплинарном анализе в качестве возможного источника сведений о том периоде. Литературоведческое исследование, дополненное историческим разбором, позволяет точнее исследовать авторскую философию и взгляды, задачи и смысловую нагрузку произведения, а также потребности получателя, т.е. аудитории.

Учитывая научный интерес со стороны академического сообщества, а также растущий литературный, художественный запрос общественности по отношению к материалам по истории Казахстана со стороны деятелей искусства и гражданского общества, данная статья видится актуальной и является вводной частью последующих исследовательских работ по изучению жизни и деятельности известных персон середины-второй половины XIX века.

Ключевые слова: батыр Суранши, Ж. Жабаяев, эпическая поэма, литературный герой, жанр, драма, художественный образ.

S.S. Akhmetov

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
e-mail: akhmetov1985@mail.ru**The image of batyr Suranshi in Zh. Zhabaev's
poem and historical context**

Batyr and biy Suranshi holds a worthy place among the historical figures of Kazakhstan. As one of the famous military commanders, diplomats and political actors of his time, i.e. the second or third quarter of the 19th century, Suranshi-batyr attracts natural attention from the point of view of scientific and historical research. No less interesting is the artistic image created by akyn Zh. Zhabaev in the poem "Suranshi-batyr". In this article, an attempt was made to study the image of Suranshi-batyr and the artistic concept of the author, to compare the dramatic processes described in the poem with the actual historical phenomena, confirmed by scientific sources.

Akyn's poem is of interest from philological, literary and historical disciplines. As a work from the akyn's pre-revolutionary repertoire, it necessitates an in-depth, interdisciplinary analysis as a possible source of information about that period. Literary research, supplemented by historical analysis allows you to more accurately explore the author's philosophy and views, tasks and semantic load of the work, as well as the needs of the recipient, i.e. audience.

Given the scientific interest on the part of the academic community, as well as the growing literary, artistic request of the public in relation to materials on the history of Kazakhstan on the part of artists and civil society, this article seems to be relevant and is an introductory part of subsequent research work on the study of the life and work of famous people of the middle-second half of the 19th century.

Key words: batyr Suranshi, Zh. Zhabaev, epic poem, literary hero, genre, drama, artistic image.

С.С. Ахметов

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
e-mail: akhmetov1985@mail.ru

Ж. Жабаев поэмасындағы Сұраншы батырдың бейнесі және тарихи контекст

Қазақстанның тарихи тұлғаларының ішінде Сұраншы батыр мен би лайықты орын алады. Өз заманының атақты әскери қолбасшыларының, дипломаттары мен саяси актерлерінің бірі ретінде, 19 ғасырдың екінші немесе үшінші ширегінде Сұраншы батырға ғылыми-тарихи зерттеулер тұрғысынан табиғи назар аударылды. Ақын Ж.Жабаевтың «Сұраншы-батыр» жырындағы көркем образы да қызық. Бұл мақалада Сұраншы-батыр бейнесі мен автордың көркемдік концепциясын зерделеуге, жырдағы суреттелген драмалық үдерістерді ғылыми деректермен расталған өзекті тарихи құбылыстармен салыстыруға талпыныс жасалды.

Ақынның поэмасы филология, әдеби, тарихи пәндер тарапынан қызығушылық тудырады. Ақынның төңкеріске дейінгі репертуарынан алынған шығарма болғандықтан, сол кезең туралы ықтимал ақпарат көзі ретінде терең, пәнаралық талдауды қажет етеді. Тарихи талдаумен толықтырылған әдеби зерттеулер автордың философиясы мен көзқарасын, шығарманың міндеттері мен мағыналық жүктемесін, сондай-ақ реципиент, яғни аудитория сұранысын дәлірек зерттеуге мүмкіндік береді.

Ғылыми қоғамдастықтың, сондай-ақ өнер қайраткерлері мен азаматтық қоғам тарапынан Қазақстан тарихы бойынша материалдарға қатысты қоғамның әдеби-көркем сұранысының артып отырғанын ескере отырып, бұл мақала өзекті болып көрінеді және 19 ғасырдың ортасы мен екінші жартысындағы белгілі тұлғалардың өмірі мен шығармашылығын зерттеу бойынша кейінгі зерттеу жұмысының кіріспе бөлігі болып табылады.

Түйін сөздер: Сұраншы батыр, Ж. Жабаев, эпикалық поэма, әдеби кейіпкер, жанр, драма, көркем образ.

Введение

На сегодняшний день мы можем наблюдать небольшое количество научных исследований по истории Казахстана периода после гибели хана Кенесары и до 10-х годов XX столетия, по сравнению с более ранним временем. Вероятно, незначительный интерес к этому периоду обусловлен окончательным вхождением территорий Казахстана в состав Российской империи. Однако, не вдаваясь в подробное изучение причин такого распределения интересов, эта работа проведена в качестве одного из этапов широкого исследования событий середины и второй половины XIX столетия, в частности, через изучение жизни деятелей Семиречья и южного Казахстана, таких как батыр Суранши. Ведь несмотря на условное завершение «истории степных батыров», как считает Р. Темиргалиев, «ознаменованное смертью последнего влиятельного хана (Аблая, авт.)» (Темиргалиев Р., 2019: 356), и вполне реальное упразднение института ханства, когда «в 1845 г. ханская власть на основной территории Младшего и Среднего жузов была законодательно отменена российским самодержавием» (Ерофеева И., 2003: 17), этот период является такой же частью нашей истории, со своими положительными и отрицательными гранями, со

своими известными личностями, представителями разных национальностей и разного рода деятельности, от правителей и султанов, воинов и батыров, дипломатов и биев, до купцов и промышленников, просветителей и ремесленников, музыкантов и акынов. Именно в этот период на территории Семиречья и других регионов современного Казахстана закладывалась одна из основ для позднейшего советского многонационального, мультикультурного состава населения, а далее и современного, полиэтнического, многоконфессионального Казахстана. В числе остальных, потомки тех людей сегодня являются гражданами независимой Республики Казахстан.

«Мы народ храбрых батыров, которые плечом к плечу с оружием в руках отстаивали рубежи нашей Родины», – отметил президент К-Ж. Токаев в недавней речи (Московчук, 2022). И действительно, несмотря на разную степень значимости института батырства в разные периоды нашей истории, батыры были всегда, и являлись не только военными, но и гражданскими предводителями, авторитетными представителями и защитниками народа.

Споры по поводу исторической истинности событий и образов героев в художественной поэме ведутся давно как среди литературоведов,

так и среди историков. В частности, на повестке стоит вопрос о правомерности использования художественных произведений в качестве исторического истокника. При этом, с учётом доступности, искусства подачи материала, возможных упрощений и обобщений без необходимости и, зачастую, возможности скрупулёзного перечисления и освещения фактов, художественные произведения в исторических жанрах, в отличие от строго научных, привлекают массового читателя. И для общественности события и образы, поданные в литературной интерпретации писателя или поэта, их истинность и фактологическая база не вызывает сомнений. «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира» (Эйнштейн А., 1967: 41). Данное умозаключение ученого можно отнести как к самим писателям и поэтам, так и к читателям из произведений.

Другими словами, «художественная литература кажется гораздо более мощной, чем история, поскольку она имеет лучший доступ к мейнстриму и легко популяризируется» (Chigobosea-Tudor O., 2017: 198). Однако, качественное историческое художественное произведение, бесспорно соотносится с известными и доказанными на момент написания историческими фактами, и чем меньший разрыв между вымыслом, художественной интерпретацией, поэтических образов и действительными фактами, тем более полезным представляется произведение для массового потребления.

Мемуары, дневники, заметки, журналистские статьи, можно отчасти отнести к научным источникам в ходе изучения исторических реалий. Доктор культурологии Святославский А.В. называет эти жанры «пограничным» видом литературы, с зыбкими границами документального и художественного, «авторы их подпадали под обвинения в субъективной трактовке фактов и изображении лиц» (Святославский А., 2017: 56 с.).

Сюда же можно отнести и художественные прозаические и поэтические произведения, написанные современниками исторических событий. Подобные работы, хоть и не всегда отражают объективную действительность, тем не менее, имеют огромную ценность для современного исследователя, поскольку некоторые детали своего времени, события, быт, имена, родственные связи и пр. были гораздо более доступны современникам и непосредственным участникам событий, несмотря на большую вероятность предвзятости. В ряд основных задач поэтов и писателей, которые запечатлевают современные

им события в литературных произведениях на десятилетия и столетия вперед, для потомков, не входит документирование всех явлений – это дело историков. Однако, зачастую крупные мастера словесного творчества перед написанием произведения глубоко погружаются в контекст и подробно изучают сопутствующий материал.

Об изучении художественной литературы в качестве исторического источника писали многие авторы. На основании обзора научных работ по данному явлению, В.П. Смолякова приходит к выводу: «в целях обеспечения целостности результатов исследования необходимо как можно более полно использовать все имеющиеся ресурсы и в этом смысле художественная литература как исторический источник может служить весомым дополнением» (Смолякова В., 2022: 71).

Поэтому, не рассмотреть художественные произведения, связанные с интересующей эпохой, в виде дополнительного источника сведений, для современного казахстанского исследователя видится упущением.

Святославский А.В. считает работы в жанрах художественной литературы историческим источником, однако, «источником специфическим, имеющим мало общего с массовым пониманием этого рода литературы, воспринимаемой в массовой культуре как объективное свидетельство об исторических событиях и лицах, возникающих на ее страницах» (Святославский А., 2017: 51). В данной работе произведение Ж. Жабаева «Суранши-батыр» будет проанализировано с точки зрения авторского видения ситуации и дальнейшего сравнения образа героя и драматических перипетий поэмы с реальным историческим лицом и контекстом того времени.

Актуальность данной работы заключается в междисциплинарном подходе к изучению жизни и деятельности Суранши-батыра, где в качестве базы использован литературоведческий анализ поэмы Ж. Жабаева «Суранши-батыр» в переводе на русский язык, дополненный историческим исследованием.

В задачу данного исследования, помимо поиска и анализа информации о жизни батыра, также входит общее описание политической обстановки периода середины XIX века для лучшего понимания возможных мотивов деятельности Суранши Акынбекулы в конкретных ситуациях, и участия в событиях.

Таким образом, осознавая художественность поэтического произведения, с ее помощью была предпринята попытка пролить свет на жизнь батыра Суранши в период 1840-1850-х годов.

Обзор литературы

Основой исследования является произведение современника батыра Суранши, очевидца некоторых событий, акына Ж. Жабаева. Следуя традиции, в начальные годы своего творчества, Ж. Жабаев сопровождал известного акына Суйынбая Аронулы и учился у него. Среди прочего им была выучена песня о Суранши-батыре, которую исполнял Суйынбай. Позже, Ж. Жабаев переделал песню о батыре на свой лад (Джабаев Дж., 1981: 7).

Рассмотрена работа румынской исследовательницы Чиробокеи-Тудор О., которая демонстрирует большую увлекательность творческой подачи образов короля Артура, Клеопатры, Влада Цепеша-Дракулы, чем их исторически-подтверждённых портретов (Chirobocsea-Tudor O., 2017). Были проанализированы выводы из работ Святославского А. и Смоляковой В., исследовавших возможность использования художественной литературы в качестве исторического источника.

Построению научного базиса в области литературоведческого анализа послужили работы Калкабаевой С. о поэтике образов, российского ученого Козлова С. о литературной антропологии, члена Союза журналистов России Боттаева М., Тютеловой Л. о построении драматического сюжета.

Для проведения сравнительного анализа событий из поэмы использованы различные источники XIX века, в частности заметки Ч. Валиханова из собрания сочинений советского периода (Валиханов Ч., 1984, 1985), путевые заметки Семенова Тянь-Шанского П. (Семенов Тянь-Шанский П., 1999), записи путешественников Венюкова М. (Венюков М., 1868), Абрамова Н. (Абрамов Н., 1876), воспоминания сына Кенесары Касымова Кенесарина А. (Кенесарин А., 1992), статья Алибекова М. о жизни хана Худояра (Алибеков М., 1903), работы учёных и этнографов Гродекова Н. (Гродеков Н., 1889) и Аристов Н. из его фундаментального труда о кыргызах (Аристов Н., 2001), историка кокандского ханства Наливкина В. (Наливкин В., 1886), очерк о военных и дипломатических отношениях Российской империи в Средней Азии Шепелева А. (Шепелев А., 1879).

Также использованы труды исследователей советского периода: Бекмаханова Е. (Бекмаханов Е. 1992), узбекского академика Бабабекова Х. (Бабабеков Х., 1990), широкое исследование о Ташкенте Соколова Ю. (Соколов Ю., 1965).

Изучены научные работы современного историка, востоковеда Хафизовой К. (Хафизова К., 2019), а также энциклопедические сведения и современные сборники документов, архивные материалы из Центрального государственного архива РК.

В качестве дополнительных источников сведений об историческом контексте использована статья из британского журнала колониальной Индии середины XIX века секретаря бомбейского правительства Уотена В. (Wathen W.H., 1834) и английского путешественника и исследователя Генри Ленселла (Lansdell H., 1885).

Материалы и методы

В условиях казахской историографии, где нередко наблюдается скудость известных письменных документальных источников, художественная литература и устное творчество часто являются необходимым дополнительным, хотя и ненаучным материалом. В связи с тем, что документальных источников, касающихся рождения, юношества и части взрослых лет жизни батыра Суранши найдено крайне мало, поэма Ж. Жабаева «Суранши-батыр» будет использована в рамках данного исследования именно как блок дополнительных сведений, которые будут проверены научным исследованием. Литературоведческий анализ поэмы способствует расширению области обзора исследования.

Методами данного исследования являются изучение и анализ художественного произведения «Суранши-батыр» в переводе на русский язык П. Кузнецова, представленный в сборнике избранных произведений поэта, составленного в 1981 году М. Гумаровой, О. Нурмабаббетовой и Т. Сыдыковым. На основании выделенных сведений произведен поиск исторических материалов, включая архивные источники, для проведения сравнительного анализа событий и действий персоналий, описанных в поэме, и тех же событий и персоналий из нарративных и строго научных источников, для выявления фактического материала о жизни Суранши-батыра.

Использован сравнительно-исторический метод изучения литературных произведений, который предполагает проведение аналогий и поиск соотношений между героями и явлениями в тексте и фактического исторического контекста, для лучшего понимания мотивов действий и смыслов, вложенных автором в поэму. Также был применен герменевтический метод исследования текстов в попытке выявить смыслы,

которые автор вкладывал в произведение, через интерпретацию символики и основного конфликта, который является основополагающим драматическим мотивом событий.

Результаты и обсуждение

Поскольку документально-подтвержденных, научно-обоснованных источников раннего периода деятельности батыра пока было найдено немного, для проведения исследования была использована художественная работа Ж. Жабаева, современника и соплеменника батыра.

Поэму Суранши-батыр можно соотнести с двумя жанрами. Если воспринимать поэму как историческую песню, то в данном жанре «исторические факты получают трактовку, соответствующую народному миропониманию и мироощущению» (КСЭ, 1981: 500). Если же трактовать поэму как эпос, то источниками «сюжетов для эпоса – являются народные предания, образы идеализированы и обобщены» (СЭС, 1985: 1548).

Обозначив жанровую направленность поэмы, перейдем к рассмотрению имеющихся материалов о Суранши-батыре, как исторической личности, и следом рассмотрим литературный образ, который был придан главному герою поэмы.

Энциклопедия истории Казахстана указывает, что Суранши Акынбекулы родился в 1815 году и происходит из Старшего жуза, племени шапырашты, рода ескожа (ҚТ, 2020: 377). Первые упоминания о батыре датированы 40-ми годами, т.е. заключительным периодом восстания, или борьбы Кенесары Касымова. Именно этот, ранний период деятельности батыра, будет рассмотрен в данной работе и, для лучшего понимания описываемых событий, далее будет приведена короткая справка о времени, политической обстановке в регионе, где образовался Алатавский округ и кочевали казахи родов Большой орды или Старшего жуза, частью которых являлся и является род шапырашты. Далее исследование пойдет в хронологическом порядке, в соответствии с найденными следами Суранши-батыра. Первые упоминания связаны именно с К. Касымовым и его деятельностью.

Итак, первая половина XIX века, территория Большой орды. Это время завершения присоединения территорий Казахстана к Российской империи. Большая орда была последней добровольно принявшей русское подданство. «К концу первой половины XIX в., а именно к 1847

г., русское подданство приняли почти все роды Старшего жуза, за исключением кочевавших на юге, которые находились еще под властью Коканда» (ИКС, 1979: 187).

Вряд ли можно назвать процесс присоединения Большой орды совершенно добровольным и бескровным. Многие историки тем не менее полагают присоединение к Российской империи объективным историческим процессом. Внутренние усобицы местной аристократии, разное видение перспектив со стороны султанов и правителей, и, пожалуй, главное, – опасность со стороны претендующих на земли Большой орды крупных агрессивных держав, и многие другие факторы подталкивали к выбору.

После 1844 года К. Касымов откочевывает к границе с Китаем на р. Или и заводит с ними переговоры, которые закончились заверениями взаимной дружбы. «Цинские власти относили этот район к сфере своего контроля, безуспешно пытались изгнать отсюда кокандцев... Царское правительство безмолвно признавало за Китаем права на земли к западу от реки Или» (Хафизова К., 2019: 241-242).

Далее К. Касымов перекочевывает на реку Чу, вероятно, с целью подчинить себе все роды Большой орды, а также племена кыргызов, кочевавших в тех землях. Отметим, что в источниках XIX века по отношению к казахам использовался термин «киргиз», а по отношению к кыргызам – «каракиргизы» или «дикокаменные киргизы». «Кыргыз. Так именуют себя каракиргизы. Название каракиргизов или дикокаменных киргизов им неизвестно. По их мнению, слово каракиргиз появилось с приходом русских» (Гродеков Н., 1889: 1). Следует отметить, что этнонимы «казах» и «кыргыз» также разделяются в иностранных источниках. Например, английский исследователь XIX-начала XX века Г. Лэнсделл разделяет народы в том числе по географическому признаку, при этом не путая русских казаков и казахов, что видно по написанию: «наместничество населено сравнительно небольшим числом русских солдат, казаков (Cossacks) и колонистов в городах и на главных дорогах; но по всей губернии кочуют киргизы (Kirghese) и казаки (Kazaks); Кара-киргизы (Kara-Kirghese) в горах и казаки на равнинах, хотя и тех, и других обычно называют киргизами (Kirghese) (Lansdell Н., 1885: 45). В данной работе используются все вышеназванные термины.

Роды албан, суан, жалаир, дулат и шапырашты принимают хана с почестями. «...колено ботпай с Сыпатай-батыром и Андес батыром, колено

шапырашты с Саурык-батыром, начальствующий над дулатами тюре Рустем султан и прочие начальники дулатов явились с подарками и с изъявлением покорности» (Кенесарин А., 1992: 21). Конкретно Суранши-батыра в данном перечислении нет несмотря на то, что он был уже в зрелом возрасте (ок. 29-30 лет), однако, допустимо предположить, что шапырашты или части их в то время возглавлял его двоюродный брат Саурык-батыр, как старший. Согласно энциклопедии истории Казахстана, Саурык Ыстамбекулы, 1814 года рождения, был двоюродным старшим братом батыра Суранши, «Старшего жуза, племени шапырашты, рода ескожа» (ҚТ, 2020: 305). Предположение, что Саурык-батыр в то время был старшим в роде можно косвенно подтвердить строками из исследуемой поэмы:

И один был сильный в роде -
 Был бесстрашный Саурык.
 Люд степной его любил,
 В сердце сокола носил. (Джабаев Дж., 1981: 151).

Казахский историк Е. Бекмаханов также приводит воспоминания Ж. Жабаева, относящиеся к тому же времени, когда часть казахов Старшего жуза принимают хана Кенесары:

Пришли Саурык, Сыпатай,
 Не отстал от них молодой Байсеит
 И батыр Суранши.
 Пришли все к Кенесары. (Бекмаханов, 1992: 328).

Здесь мы видим непосредственное присутствие батыра Суранши, который среди прочих демонстрирует К. Касымову если не свою покорность, то во всяком случае доброе к нему отношение.

Следует упомянуть о еще одной научной работе, периода новейшей истории Казахстана, которая так описывает события того периода: «Батыры Старшего жуза Суранши, Байсеит, Тайшибек поддержали Кенесары» (Касымбаев Ж., 1993: 220).

Эти источники, помимо последнего, являются наиболее ранними упоминаниями о батыре Суранши: как раз перед тем, как хан окончательно рассорился с каракиргизами.

Однако, о полном подчинении всех родов Большой орды К. Касымову речи не идет. Многие влиятельные султаны, бии и манапы Дикокаменной орды уже состояли в подданстве и дружеских отношениях с Российской империей, другие являлись данниками кокандского хана

через комендантов (датхов) крепостей ханства или локальных беков. И с империей, и с ханством, и с отдельными племенами у хана Кенесары отношения были сложными, а зачастую и прямо враждебными. Это подтверждается источниками, например: «в Ташкенте также известно, что положение Кенесары становится ежедневно более и более затруднительным и что сообщники его воспользуются первым удобным случаем, чтобы от него отложиться» (НОД, 2019: 255). То, что К. Касымов намеревался подчинить своей власти казахов Большой орды, дикокаменных киргизов, и даже сартов, подданных кокандского хана, не могло нравиться последнему, который сам собирал с этих племен зякет. В 1846 году происходят постоянные стычки отрядов хана Кенесары с казахскими родами, которые ему не подчинились, с дикокаменными киргизами, происходят ограбления как российских, так и ташкентских караванов, силой или мирным путем взимается зякет в его пользу.

Итак, в регионе Семиречья, в той или иной форме, с разной интенсивностью, во второй трети XIX века, действуют несколько игроков. Это Российская империя, Кокандское ханство, Цинская империя. Между Россией и Кокандом в 1830-х годах граница была закреплена по реке Коксу, и, как утверждается в статье журнала Азиатского общества Бенгала: «Что касается другой великой империи, Китая, лежащего на к востоку от этой страны, кажется, в течение многих лет существовало хорошее взаимопонимание между двумя правительствами» (Wathen W., 1834: 375). Отметим, что речь здесь идет о 1830-х годах, т.е. до прихода в Семиречье Кенесары Касымова.

Также действуют фактически самостоятельные племена и роды Большой орды и каракиргизов. Как уже упоминалось выше, они могли быть дружественны к любому из названных государств, могли враждовать друг с другом, проявлять преданность и добровольно входить в состав этих государств. Земли на склонах Заилийского Алатау и Илийские долины «издавна были спорной территорией между нашими подданными – киргизами Большой орды и каракиргизскими племенами: китайскими подданными богинцами и кокандскими – сарыбагышами» (Семенов Тянь-Шанский П., 1999: 178), поэтому причин для стычек и столкновений между разными племенами хватало вне зависимости от присутствия Кенесары Касымова.

В 1847 году, К. Касымов продолжает военные действия против дикокаменных киргиз, и в итоге погибает. «Бий Арман со всеми своими

силами напал в полночь на Кенисары, разбил его совершенно, причем он сам, его брат, два сына и до 15 других султанов взяты в плен и казнены» (НОД, 2019: 279). Аулы хана, в том числе присоединившиеся роды Большой орды, рассеиваются: некоторые переходят под начальство казахских султанов, другие кочуют к кокандским крепостям в ведение их беков и датхов. Однако, дальнейшие столкновения с дикокаменными киргизами продолжаются в виде взаимных нападений и барымты. Противоборства подкрепляются одновременными изъявлениями покорности и просьбами к Российской империи о покровительстве со стороны как манапов Дикокаменной орды, так и султанов и старшин племен Большой орды. В письме султана Рустема говорится о вражде между каракиргизами и родами Большой орды, в то время, как и те, и другие уже являлись подданными Российской империи. Также упоминается Сыпатай-батыр, соратник Суранши в будущем: «...не имеем от каракиргизцев покою. Ежедневно отгоняют в баранту лошадей, и все известные каракиргизовцы с согласия желают нас разбить. Со стороны Кокании разезжает по волостям посланник, который гнал нас на войну... Находясь под высоким покровительством Государя Императора и милостью Вашего превосходительства, желаем Вам счастливой жизни...» (НОД, 2019: 288).

Принятие российского подданства племенами Большой орды не было единоразовым и одновременным. Источники указывают на то, что в разные годы, в том числе при жизни хана Кенесары, султаны и бии, которым подчинялись разные племена, роды, или лишь части их, принимали российское подданство. Например, Е. Бекмаханов указывает: «Исключительно благоприятная почва для проникновения в пределы Старшего жуза создалась для русского правительства в связи с принятием в 1845 году султанами и биями Старшего жуза российского подданства» (Бекмаханов Е., 1992: 319). В 1845 от имени «султана Али и других поступает ходатайство о принятии адбанов, суванов, чапрашты, дулатов и сары-усунов в русское подданство... 14 августа 1847 года султаны Сюк Аблайханов, Али Адилев и Акимбек Аблаев приведены были к присяге на подданство» (Аристов Н., 2001: 474). «Первыми добровольное подданство России приняли роды уйсун, жалаир и их разветвления, затем роды албан, суан, шапырашты, ысты, ошакты, канглы и др.» (КСЭ, 1981: 182). «Большая орда в 1846 году приняла русское подданство. Для обеспечения южной границы киргизской

Большой орды, от набегов дикокаменных киргизов и других враждебных народов Средней Азии, русские войска в 1850 году проникли за реку Или». (Абрамов Н., 1876: 257).

Причиной добровольного присоединения Е. Бекмаханов считает то, что: «казахи Старшего жуза, испытывая двойной гнет – кокандских беков и китайских властей, считали, что принятие российского подданства избавит их от тяжелого чужеземного гнета» (Бекмаханов Е., 1992: 319). И действительно, в первое время после условного 1845 года, племена Большой орды были избавлены от многих повинностей, и только позже они были обложены налогом: «ибо не наложено на нее (Большую орду, авт.) ни ясака, ни иных сборов, а предоставлено им управляться по своим обычаям и ведаться своею киргизскою властью» (НОД 2, 2020: 101). Кроме того, важным фактором можно назвать сохранение своих, привычных форм управления и судопроизводства с некоторыми изменениями в верховном правлении: «в числе истинно благодетельных мер к поддержанию ея (Большой орды, авт.) развития принадлежит оставление неприкосновенным собственного внутреннего управления и суда биев» (Венюков М., 1868: 130).

В это время все племена Большой орды, в том числе кочевавшие в пределах Кокандского ханства, так или иначе входят в орбиту интересов Российской империи.

Такова была политическая обстановка перед уже непосредственным включением земель Большой орды в состав Российской империи и последовавшими в этой связи войнами с Кокандским ханством, активным участником которых был Суранши-батыр.

На нынешнем этапе поисков материалов, деятельность батыра Суранши в 1850-е годы, к сожалению, остается малоосвоенной. Несмотря на то, что некоторые сведения, в том числе из художественного произведения Ж. Жабаева, вероятно, рассказывают о подвигах батыра именно в этот период, документальных источников автором пока не найдено.

Хотя в поэме прямо не указывается время событий, однако, по некоторым данным, которые будут приведены ниже, можно предположить, что действия происходят в 1850-х годах. В первую очередь можно обозначить происхождение Суранши-батыра, о котором Жамбылу, будучи представителем одного племени, должно было быть хорошо известно, поскольку «отец Жамбыла Жабай происходил из подрода екей рода шапырашты» (ВИВ, 2019: 433). Исходя из этого,

в данном аспекте художественному произведению можно доверять вполне. В поэме говорится, что отцом Суранши был Каске из рода Карасая, жил он в Уш-Коньре, а зимой кочевал к Арыси.

Теперь приступим к литературоведческому анализу образа Суранши-батыра в поэме Ж. Жабаяева. Важность изучения самой исторической художественной литературы обоснована выше, но также следует дополнительно подчеркнуть необходимость изучения образов героев, поскольку именно эти образы, через творчество поэтов и прозаиков, а в последнее время и через визуальный контент, такой как кинофильмы и сериалы, закрепляются в сознании общественности наиболее массово и глубоко. «В массовом представлении литературные герои, подобно реально существовавшим «историческим» лицам, и типизированные литературные образы, подобно реальным историческим явлениям, обретают знаковое значение терминов-символов» (Шмидт С., 2002: 42).

В поэме Жамбыла Суранши предстает идеализированным персонажем с элементами героики, что позволяет толковать его образ как эпический.

А мечом с манапской сворой
Я один поговорю. (Джабаев Дж., 1981: 167) –

говорит Суранши-батыр в поэме, и действительно, отправляется встречать ханские войска в одиночку, хотя творщицы его отговаривают.

Блещет пика, как огонь,
Под рукою у него.
Стыдно стало и манапам:
Восемьсот на одного! (Джабаев Дж., 1981: 169).

Подобные строки, конечно, исключают рассмотрение поэмы в качестве произведения, написанного в жанре реализма, что подтверждает первоначальное заключение об эпическом характере текста и указывает на метафоричный стиль изложения.

В отличие от драматических образов, у которых особенно проявляются внутренние переживания, или лирических, где основной моделью служат чувства и мечты, «под эпическим образом мы понимаем полноценный персонаж, полностью раскрывающийся через действие, поведение, внешность, образ мыслей и речь» (Қалкабаева С., 2021: 118).

То, что главный герой является воином не вызывает сомнений, поскольку Суранши являет-

ся батыром. Другие отрывки позволяют трактовать образ Суранши в качестве архетипа героя-спасителя.

А народ батыра ждал,
Он, измученный, стонал... (Джабаев Дж., 1981: 152)

За помощью к Суранши едут два посланца Семиречья, и просят батыра спасти народ.

«Ты готовь коня в поход,
Ты избавь, батыр, от ханов
Свой ограбленный народ» (Джабаев Дж., 1981: 157)

Также кроме портрета самого батыра, образ героя и архетип спасителя раскрывается через духовно-аксиологическую сферу. Если рассматривать такие части структуры духовной сферы как «социально-политические, гражданские, идеологические взгляды и убеждения; патриотические, национально-культурные идеалы» (Козлов С., 2013: 94), то они раскрывают образ героя в следующих строках:

Мой отец – народ родной,
Мать родная – степь – со мной,
И за них я кровь по капле,
Вздых отдам последний свой (Джабаев Дж., 1981: 159)

Далее перейдем к анализу действий героев поэмы, их действительных прототипов и исторического контекста.

Традиционными в советской литературе, ярким представителем которой был Ж. Жабаяев, антагонистами являются цари, ханы, султаны, беки и прочие феодалы и религиозные деятели. В поэме антагонистами выступают известный кокандский хан, историческое лицо – Худояр, а также некий Орман, правитель кыргызов. Упоминается и вышеозначенный Сыпатай-батыр, хотя и не совсем в героическом ракурсе. Согласно поэме:

Сыпатай, степной батыр,
бросил степь и скрылся где-то (Джабаев Дж., 1981: 156).

Упоминается также Андас, соратник и брат Суранши-батыра, также историческое лицо, который пытается отговорить батыра от поспешных действий против превосходящего врага. На фоне нерешительности других положительных персонажей, тоже богатырей, образ неумолимого Суранши, как протагониста, обретает еще больше героики.

Он пристыжает Андаса:
Если ты рожден батыром –
Будь батыром до конца. (Джабаев Дж., 1981: 158)

И далее, обосновывая невозможность промедления, Суранши говорит про хана:

Кровью он залил страну
И слезами захлестнул.
Стали куклами у беков
Наши девушки в плену. (Джабаев Дж., 1981: 159)

Попробуем проанализировать противников Суранши-батыра из поэмы – Худояра и Ормана.

Он (Худояр, авт.) хотел, как царь российский,
Быть владыкой орд каспийских
И владеть с Орманом вместе
Даром выпасов илийских. (Джабаев Дж., 1981: 156)

Что касается Худояра, то «он был провозглашен ханом аталыком Мусульманкулом в 1845 году, будучи еще малолетним» (Алибеков М., 1903: 81). Вообще же, «Худояр трижды был ханом кокандским, – в 1845-1858, 1862-1863, 1866 гг.» (Соколов Ю., 1965: 110). Однако, считать его полноправным правителем ханства в данный период рано, т.к. Мусульманкул при нем являлся аталыком, или фактическим главой государства, регентом. В 1853 году происходит сражение между ханскими войсками и кипчаками Мусульманкула, где «победу одержали ханские войска, а плененного Мусульманкула привели в Коканд и повесили» (Бабабеков Х., 1990: 68). «С этого момента и до временного занятия трона братом Малля ханом в 1858 году» (Бабабеков Х., 1990: 188-189), Кокандским ханством правил Худояр, и, следовательно, вторжение в Алатау и Семиречье, о котором речь идет в поэме, могло произойти в период с 1853 года по 1858 или с 1862 по 1863 гг. Второе маловероятно, т.к. в этот период ханское вторжение скорее всего было бы встречено уже русскими войсками сформированного к тому времени Алатавского округа, а Ормана уже не было в живых.

Джамбул много раз называет Ормана – ханом.
Вот два примера:
Так писал седой Орман,
Оскорбил батыра хан. (Джабаев Дж., 1981: 166)

Или:

В поединке с Орман-ханом
Правду я свою найду. (Джабаев Дж., 1981: 167)

Но, по всей видимости, речь в поэме идет о том самом Ормане, которого русские источники называют бием Арманом, манапом Урманом, или Орманом Ниязбековым, тем самым манапом дикокаменных киргиз племени сарыбагыш, победившим Кенесары Касымова. В поэме он союзник, или, возможно, подданный хана кокандского и друг царя российского – антагонистов. Е. Бекмаханов пишет, что «Ормон – манап рода Сарбагыш». Однако, учитывая тот факт, что «Ормон стремился к объединению всех киргиз под своей властью» (Бекмаханов Е., 1992: 329-330), вполне понятно, почему акын называет его ханом, тем более что дело происходит уже после гибели К. Касымова.

Частичное объединение кыргызов силовым путем подтверждается и в поэме:

Не изменит друг Орман:
Утопив в крови киргизов,
Золотой он сшил чапан. (Джабаев Дж., 1981: 156)

В поэме, один из батыров хана Ормана, Байтуган-манап, кичится и заявляет Суранши-батыру, что это именно он убил К. Касымова:

Кенесары я убил
И его в земле сгноил... (Джабаев Дж., 1981: 172)

за что и поплатился жизнью:

Байтуган в бою крутом,
Как хорек упал на землю
С переломанным хребтом. (Джабаев Дж., 1981: 173)

Вышесказанное свидетельствует о том, что речь в поэме, вероятнее всего, идет именно об Ормане Ниязбекове, поскольку именно он был человеком, который возглавлял отряды кыргызов, одолевших К. Касымова.

Исходя из такого вывода видится допустимым ограничить временные рамки вторжения, о котором говорится в поэме, поскольку «вслед за гибелью Кенесары, в 1850-х годах XIX века началась разорительная междоусобная феодальная война в Киргизии, возглавляемая тем же Ормоном... В процессе этой войны, в 1855 году Ормон погиб» (Бекмаханов Е., 1992: 339-340). Следовательно, война, или вторжение в Алатау во главе с ханом Худояром и манапом Орманом, гипотетически могли иметь место с 1853 по 1855 гг. Однако, в это время, Орман был занят внутренними распрями среди кыргызов.

Если говорить об этом периоде, то крупномасштабных боевых действий, тем более без участия русской армии, в Семиречье не происходит. В 1853 году, из укрепления Копал выходит Заилийский военный отряд, цель которого, среди прочего, водворить влияние в Семиречье и найти место для основания нового укрепления – будущего Верного. В конце 1853 года майор Перемышльский, возглавлявший отряд, отчитывается корпусному командиру: «...в Большой орде господствует совершенная тишина и спокойствие» (ЦГА РК, 7: 135). То же пишет Перемышльский, уже подполковник, и в конце 1854 года: «...за-Илийский отряд обстоит благополучно, здоровье людей находится в хорошем состоянии. В Большой орде господствует совершенная тишина и спокойствие» (ЦГА РК, 3: 84).

Кроме того, в 1852 году было получено царское повеление принять в подданство Ормана Ниязбекова, манапа сарыбагышей: «в предписании от 1 мая с №185 я сообщил вашему высокоблагородию о последовавшем высочайшем соизволении на принятие в подданство России манапа дикокаменных киргизов Урмана Ниязбекова с подведомственным ему народом», пишет корпусный командир приставу киргизов Перемышльскому 3 июня 1852 года, и дальше: «в заключении следует сделать им надлежащее внушение, чтобы жили мирно, не ссорились с киргизами Большой орды яко с подданными же нашего Государя Императора...» (ЦГА РК, 7: 8-10). И хотя Перемышльский докладывал в течение 1853 года, что: «между дикокаменными киргизами из рода богу и атбанами происходят беспорядки, а также и между дулатами» (ЦГА РК, 7: 8, 36), то здесь речь не идет ни о шапырашты, которых мог возглавлять батыр Суранши, ни о сарыбагышах, ведомых манапом Орманом. Здесь, вероятно, речь идет о небольших распрях и барымте между киргизами и казахами, причины которых отчасти описаны выше.

Взаимные набеги, взятие пленных, барымта, драки, а также примирения будут происходить между разными племенами казахов и киргизов, а также внутри, уже задолго после гибели хана Кенесары и явно с другими, более приземленными мотивами, нежели месть. Такие мотивы, совершенно бытового, хоть и сурового характера, описывает Венюков: «... когда я вернулся с реки Чу и делал восхождение на Талгар мне встречались большие табуны прекрасно откормленных кобыл... Одна невыгода этих горных кочевков состоит в том, что стада часто подвергаются нападениям барантчей из Дикокаменной орды,

особенно из Султы и Сарыбагышей» (Венюков М., 1868: 133).

В следующем 1855 году, как уже упоминалось, манап сарыбагышей Орман погиб в междоусобной войне с племенем богу, возглавляемым манапом Бурамбаем, также уже подданным Российской империи.

Если не ограничивать период действий, описанных в поэме, то можно предположить следующее: поскольку в поэме Жамбыла первая битва происходит в горах Алатау, где хану померещились войска Суранши:

Алатау весь в кострах,
Худояра давит страх:
«Это войско, тысяч в двести,
Там раскинулось в горах!» (Джабаев Дж., 1981: 161) –

можно допустить, что речь идет о деле 1857 года, когда «восстали киргизы кипчакского рода, которые кочевали на Ала-Тау, около местности Джеты-Су. Узнав об этом, Худаяр-хан с отрядом в 500 человек выступил для усмирения восставших» (Бабабеков Х., 1990: 68). Либо это могло быть выступление кокандского бека мырзы Ахмета-парванчи в 1858 году: «который сделал два вторжения в наши границы: одно на правый фланг, на реку Сарысу, а другое со стороны Пишпека, на Большую орду» (Валиханов Ч., 1985: 318). Однако это предприятие Худаяр-хан лично не возглавлял.

Кроме того, следует еще раз отметить, что Ж. Жабаев активно использует литературный прием, довольно часто применяемый в произведениях с признаками эпоса. Речь идет о намеренном преувеличении численности войска, которое хоть и померещилось «испугавшемуся» хану, тем не менее, вряд ли могло иметь место даже приблизительно. Здесь присутствует допущение, что перед началом военных действий стороны обычно ведут разведку, не говоря о том, что часть земель Большой орды кокандский хан считал своими и, вероятно, имел пусть и приблизительные, но все же сведения о своих подданных и их мобилизационной способности. В случае обнаружения потенциала по сбору войска в двести тысяч (что совсем маловероятно на данной территории), вряд ли хан выдвигался бы навстречу с отрядом в пятьсот человек. Следовательно, можно уверенно говорить именно о литературном приеме для создания драматического эффекта в данном случае.

Таким образом мы видим, что пытаться разгадать замысел поэта – дело трудновыпол-

нимое, тем более, что война или вторжение, описанные в поэме, вполне могли быть лишь обобщающим образом, ведь тяжелый гнет со стороны кокандских беков, восстания кочевников, а также противоборства с кыргызами в этот период было явлением частым, что подтверждается многими источниками, например: «кокандцы, не дававшие покоя нашим киргизам между р. Чу и Или и не раз угрожавшие укреплению Верному, вынудили нас, для защиты последнего, возвести впереди новое небольшое укрепление – Кастек» (Шепелев А., 1879: 86); «в начале XIX в. хивинский и кокандский ханы ограничивались походами на неподвластные им киргизские и казахские земли... Они стремятся воспрепятствовать присоединению юга Казахстана и Киргизии к России, претендуя на их земли... В 40-70-х годах XIX в. и позже прошла новая волна выступлений населения Киргизии и Казахстана против Коканда и Хивы» (ИКС, 1979: 186); горы Заилийского Алатау отделяли земли Большой орды от кыргызских владений, «которые состояли отчасти в номинальной зависимости от Китая, но более всего в подданстве кокандского хана. С этими-то дикими и хищными горцами киргизам Большой орды около половины XIX века приходилось вести борьбу за существование... Киргизам Большой орды, беспрестанно подвергавшимся набегам и баранте своих хищнических иноземных соседей, оставалось, следовательно, искать спасения в мужественной и энергичной самозащите» (Семенов Тянь-Шанский П., 1999: 219).

Поэма «Суранши-батыр» обладает бесспорными достоинствами, и не только литературной, но и исторической ценностью как источник сведений и как героический эпос – является значимым произведением казахского акына.

Заключение

В результате проделанной работы можно заключить, что поэма Суранши-батыр, равно как и многие другие произведения поэта, отражает некое общее состояние и умонастроение общественности того периода. Ж. Жабаев как участник айтысов и акын исполнял свои произведения в устной форме, т.е. в форме песен. «С древнейших времен песня тесно связана с повседневной жизнью и с историей народа, его создателя и хранителя. В песнях народ выражал протест против угнетения и несправедливости, прославляя героизм, доброту и независимость» (Боттаев М., 2021: 27).

В этом заключается одно из достоинств художественного исторического произведения, но особенную ценность, равно как и мотив для споров о беспристрастности автора, оно приобретает если рассматривать его как произведение современника описываемых событий, и где-то даже соучастника. Было выяснено, что образ протагониста героизирован и, вероятно, таким образом упрощен, кроме того, конкретные события и процессы, являющиеся фундаментом для драматического повествования, не подтверждаются научными источниками.

При этом, гипотеза об отражении некой общественной боли через произведение подтверждается через литературоведческий анализ поэмы и соотнесение ее содержания с историческими источниками. Этим обуславливается злободневность смысла произведения, которая также проявляется следующим образом. Если не брать в расчет критицизм Ж. Жабаева в рамках советской историографической парадигмы, направленный на власть придержащих эпохи кокандского доминирования в регионе и дальнейшей российской экспансии, т.е. ханов, султанов, офицеров, беков и пр., то общая картина событий в народном мировоззрении едва ли изменится, поскольку имели место документально-подтвержденные факты притеснений, военных походов, экспедиций, взимания дани как со стороны империи, так и со стороны ханства, не говоря о китайских притязаниях, которые были поверхностно рассмотрены в качестве части общего исторического контекста. Неглубокий анализ элемента китайского присутствия обусловлен тем, что оно не было включено в содержание поэмы.

Отражение общественной боли может быть одной из причин того, что в поэме батыр предстает в образе героя-спасителя, заступающегося за народные интересы и справедливость, как ее видит народ. Возможно, выбор главного героя и построение его литературного образа и связан с тем, что он являлся соплеменником поэта, его воспевшего, но также это говорит о том, что имя батыра было на слуху, что он мог гипотетически возглавлять крупные силы, в т.ч. ополчения, являлся признанным авторитетом в военных делах внутри рода. Что касается реалистичности описываемых событий, то следует учитывать драматическую составляющую любого художественного произведения, а также построение метафорических образов не только по отношению к персонажам, но и по отношению к общей канве событий, где походы, вторжения, битвы

могут и зачастую являются собирательными образами в создании уникальной авторской концепции.

Также следует обратить внимание на бенефициара произведения, которым у Ж. Жабаева безусловно являлся народ, поскольку его тексты дореволюционного периода воспроизводились и позже были записаны на казахском языке. Это позволяет сделать вывод о том, что авторский мир или сюжет произведения был оформлен таким образом, чтобы бенефициар, или как сегодня бы сказали – целевая аудитория – понимала и сопереживала описываемым событиям. «Художественное произведение как форма существования эстетического объекта — художественного мира, по принятой сейчас терминологии, является результатом совместной деятельности автора и читателя. И событие рассказывания можно понимать как разговор автора с читателем на языке искусства» (Тютелова Л., 2011: 162).

В рамках данной работы найти прямые упоминания о Суранши-батыре в документальных источниках в период до 1858 года не удалось. Конечно, можно сделать ряд допущений, в частности о том, что Суранши-батыр присутствовал, или, скажем, одобрял те или иные действия, либо отождествив весь род шапырашты, весьма часто упоминаемый в источниках – с именем батыра. Например, если в источнике указано, что шапырашты приняли подданство российскому правительству, то и Суранши при-

нял подданство в тот же момент. Или, если в 1840 году китайский отряд в Заилийском крае «потерпел горестное поражение от здешних чапраштов при урочище Тирен-Узек» и «еще до сих пор китайцы с глубоким негодованием отзываются о всяком кайсаке чапраштинского поколения» (Валиханов Ч., 1984: 181), можем ли мы утверждать, что батыр Суранши, хотя и уже в зрелом возрасте, обязательно был там? Род шапырашты не был монолитным, и части его возглавлялись разными людьми, такими как старший султан Сюк Абылайханов, или биями, только одним из которых был батыр Суранши в поздние годы жизни. Поэтому, несмотря на высокую долю вероятности того, что Суранши-батыр был среди остальных упоминаемых в источниках шапырашты, пока нет прямых указаний на его присутствие, говорить об этом с уверенностью невозможно.

С 1858 года жизнь и деятельность Суранши-батыра можно лучше отследить по документам и письмам, а также по другим источникам. Будут проведены дальнейшие исследования по теме. Поскольку в Интернет-пространстве трудно найти подобную информацию о жизни батыра, данная работа, среди прочего, нацелена на освещение материалов и их анализ с целью обнаружить, описать и отразить сведения о знаменитом деятеле Старшего жуза.

Автор выражает благодарность Центральному государственному архиву РК в г. Алматы.

Литература

- Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Эйнштейн А. Собрник научных трудов. Т. 4. – М.: «Наука», 1967. [электронный ресурс]. 2022. https://www.pseudology.org/science/Einshtein/tom4_1.pdf
- Святославский А. Между вымыслом и реальностью: Художественная литература и публицистика как исторический источник // Профессиональная историография и историческая память: Опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / Под. ред. О. В. Воробьевой, О. Б. Леонтьевой. – М.: Аквилон, 2017. – 49–72 сс.
- Смолякова В. Художественная литература как исторический источник для исследования дореформенной России // История России: с древнейших времен до 1917 года. 2022, сс. 61-71. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.05
- Темиргалиев Р. Эпоха последних батыров. – Алматы, 2019. – 376 с.
- Ерофеева И.В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII-XIX вв. (история, историография, источники). – Алматы: ТОО «Print-S», 2003. – 178 с.
- Московчук А. Токаев призвал быть готовыми дать отпор при любых угрозах [электронный ресурс]. – 2022. <https://www.zakon.kz/6028139-tokaev-prizval-byt-gotovymi-dat-otpor-pri-liubykh-ugrozakh.html>
- Казахская советская энциклопедия (КСЭ), гл. ред. М.К. Козыбаев. Алма-Ата. – 1981. – 703 с.
- Советский энциклопедический словарь (СЭС). – М.: Сов. Энциклопедия, 1985. – 1600 с.
- Жабаев Дж. Избранные произведения. Поэма «Суранши-батыр». – Алма-Ата: «Жазушы», 1981. – 400 с.
- Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. – 432 с.
- Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 3. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – 416 с.
- Семенов Тянь-Шанский П.П. От Петербурга до Семипалатинска. Из истории казахов: Сборник. – Алматы: ТОО «Жалын» баспасы», 1999. – 528 с.

Венюков М. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. Санкт-Петербург: типография Императорской академии наук, 1868. – 528 с.

Абрамов Н. Алматы, или укрепление Верное и его окрестности // Записки Русского Императорского географического общества по общей географии. Т.1. – С-Петербург: Типография Безобразова и комп. 1876. – 255-320 с.

Кенесарин А. Султаны Кенесары и Сыздык: биографические очерки. – Алма-Ата: Жалын, 1992. – 144 с.

Алибеков М. Домашняя жизнь последнего кокандского хана Худаяр-хана // Ежегодник Ферганской области. Т. 2. Новый Маргелан, 1903 [электронный ресурс]. 2022. https://www.academia.edu/40344768/Алибеков_М_Домашняя_жизнь_последнего_кокандского_хана_Худаяр_хана_Ежегодник_Ферганской_области_Т_2_Новый_Маргелан_1903

Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. Том 1. Юридический быт. – Ташкент: 1889. – 205 с.

Аристов Н.А. Усуни или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. – Б.: Илим, 2001. – 582 с.

Наливкин В. История кокандского ханства. Казань: Типография императорского университета, 1886. – 215 с.

Шепелев А. Материалы для истории Хивинских походов 1873 года. Очерк военных и дипломатических сношений со Среднею Азиею. 1879. [электронный ресурс]. 2022. https://www.academia.edu/44137643/Шепелев_А_Материалы_для_истории_Хивинского_похода_1873_года_I_Очерк_военных_и_дипломатических_сношений_России_с_Средней_Азией_Ташкент_1879

Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40-е годы XIX века. – Алма-Ата: «Қазақ университеті», 1992. – 400 с.

Бабабеков Х.Н. Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки (XVIII-XIX вв.) – Ташкент: Издательство «Фан», 1990. – 118 с.

Соколов Ю. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент: Издательство «Узбекистан», 1965. – 190 с.

Хафизова К. Степные властители и их дипломатия в XVIII-XIX веках. Монография. – Нур-Султан: КИСИ при президенте РК, 2019. – 476 с.

Қазақстан тарихы (ҚТ). Энциклопедия. Том 3. Алматы: «Литера-М» ЖШС, 2020. – 824 с.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней (ИКС). Том 3. Алма-Ата: Издательство «Наука», 1979. – 544 с.

Касымбаев Ж.К. Восстание 1837-1847 гг. под руководством хана Кенесары. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. – Алматы: Издательство «Дәуір», 1993. – 416 с.

Национально-освободительное движение в Казахстане в конце XVIII – начале XX веков. Сборник документов (НОД). – Алматы: «Литера-М», 2019. – 640 с.

Национально-освободительное движение в Казахстане в XIX – начале XX вв. Сборник документов. (НОД 2) Ред. З.Е. Кабульдинова, – Алматы: «Литера-М», 2020. – 544 с.

Великие имена Великой степи (ВИВ). Сборник материалов. – Алматы: Литера-М, 2019. – 640 с.

Шмидт С.О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. №1, 2002, 40-49 сс.

Қалқабаева С.Ә. Көркем образ поэтикасы // Филология сериясы. №3 (183).2021, 115-126 сс.

Козлов С.В. Литературная антропология и поэтика персонажа // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 7 (25) 2013, часть 1, 92-98 сс.

Боттаев М. Тот самый алмаз // Материалы республиканской научно-практической конференции «Феномен Жамбыла: жамбыловедение и образование» – Галдыкорган, Жетгусуский университет им. И.Жансугурова, 2021. 213 с.

Тютелова Л.Г. Драматический сюжет и проблема автора как субъекта творческой деятельности в драме. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2011. 2(10), 158-169 сс.

ЦГА РК. Ф 3. Оп. 1. Д. 7.

ЦГА РК. Ф 3. Оп. 1. Д. 3.

Chirobocea-Tudor O. Perspectives on the Relation between History and Fiction. // Philologica Jassyensia. 2017, pp. 191-202.

Wathen W.H. Memoir on the U'zbek State of Kokan, properly called Khokend, (the Ancient Ferghana), in Central Asia // The Journal of the Asiatic society of Bengal. Vol.III. 1834, №32 [electronic resource]. – 2022. – URL: https://www.academia.edu/47537236/Wathen_W_H_Memoir_on_the_Uzbek_State_of_Kokan_properly_called_Khokend_the_Ancient_Ferghana_in_Central_Asia_The_Journal_of_the_Asiatic_society_of_Bengal_Vol_III_1834_32

Lansdell H. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. Vol. 1 – Boston: Houghton, Mifflin, and company, 1885. – 687 p.

References

Abramov N. (1976). Almaty, ili ukreplenie Verное i ego okrestnosti. Zapiski Russkogo Imperatorskogo geograficheskogo obshhestva po obshhej geografii [Almaty, or Vernoye fortification and its environs. Notes of the Russian Imperial Geographical Society on General Geography]. V.1. – S-Peterburg: Tipografiya Bezobrazova i komp. – 255-320 p. (in Russian)

Alibekov M. (1903). Domashnjaja zhizn' poslednego kokandskogo hana Hudayar-hana [Home life of last Khokand khan Khudayar Khan] // Ezhegodnik Ferganskoj oblasti. 2022. https://www.academia.edu/40344768/Алибеков_М_Домашняя_жизнь_последнего_кокандского_хана_Худаяр_хана_Ежегодник_Ферганской_области_Т_2_Новый_Маргелан_1903 (in Russian)

Aristov N.A. (2001). Usuni ili kara-kyrgyzy: Oчерki istorii i byta naselenija zapadnogo Tjan'-Shanja i issledovanija po ego istoricheskoi geografii [Usuni or Kara-Kyrgyz: Essays on the history and life of the population of the Western Tien Shan and research on its historical geography]. – B.: Ilim. – 582 p. (in Russian)

- Bababekov H.N. (1990). Narodnye dvizhenija v Kokandskom hanstve i ih social'no-jekonomicheskie i politicheskie predposylki (XVIII-XIX vv.) [People rises in the Kokand Khanate and their socio-economic and political background (XVIII-XIX centuries)] – Tashkent: Izdatelstvo «Fan». – 118 p. (in Russian)
- Bekmahanov E. (1992). Kazahstan v 20-40-e gody XIX veka [Kazakhstan in the 20s-40s of the XIX century.]. – Alma-Ata: «Qazaq universiteti». – 400 p. (in Russian)
- Bottaev M. (2021). Tot samyjalmaz [That diamond] // Materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Fenomen Zhambyla: zhambylovedenie i obrazovanie» – Taldykorgan, Zhetysuskij universitet im. I.Zhansugurova, 2021. 213 p. (in Russian)
- CSA RK F. 3. In. 1, C. 3 (in Russian)
- CSA RK F. 3. In. 1, C. 7. (in Russian)
- Dzhabaev Dzh. (1981). Izbrannye proizvedeniya. Pojema «Suranshi-batyr» [Selected works. Poem “Suranshi-batyr”]. – Alma-Ata: «Zhazushy». – 400 p. (in Russian)
- Einshtejn A. (1967). Motivы nauchnogo issledovaniya [Scientific research motives] // Jejnshetejn A. Sobrnik nauchnyh trudov. T. 4. – M.: «Nauka», 2022. https://www.pseudology.org/science/Einshtein/tom4_1.pdf (in Russian)
- Erofeeva I.V. (2003). Rodoslovnye kazahskih hanov i kozha XVIII-XIX vv. (istoriya, istoriografija, istochniki) [Pedigrees of Kazakh khans and kozha of the XVIII-XIX centuries (history, historiography, sources)]. – Almaty: TOO «Print-S». – 178 p. (in Russian)
- Grodekov N.I. (1889). Kirgizy i karakirgizy Syrdar'inskoj oblasti. Tom 1. Juridicheskij byt [Kyrgyz and Karakirgiz of Syrdarya region. Vol. 1. Legal history]. – Tashkent. – 205 p. (in Russian)
- Hafizova K. (2019). Stepnye vlastiteli i ih diplomatija v XVIII-XIX vekah. Monografija [Steppe rulers and their diplomacy in the XVIII-XIX centuries. Monograph]. – Nur-Cultan: KISI under the President of RK. – 476 p. (In Russian)
- Istorija Kazahskoj SSR s drevnejshih vremen do nashih dnei. Tom 3. (1979). [History of the Kazakh SSR from ancient times to our days. Vol 3.] – Alma-Ata: Izdatelstvo «Nauka». – 544 p. (in Russian)
- Kasymbaev Zh.K. (1993). Vosstanie 1837-1847 gg. pod rukovodstvom hana Kenesary // Istorija Kazahstana s drevnejshih vremen do nashih dnei [Rebellion of 1837-1847 under the leadership of Khan Kenesary. History of Kazakhstan from ancient times to our days]. – Almaty: Izdatelstvo «Daur». – 416 p. (in Russian)
- Kazahskaja sovetskaja jenciklopedija. (1981). [Kazakh Soviet Encyclopedia], gl. red. Kozybaev M.K. Alma-Ata. – 703 p. (in Russian)
- Kenesarin A. (1992). Sultany Kenesary i Syzdyk: biograficheskie ocherki [Sultan Kenesary and Syzdyk: biographical essays]. – Alma-Ata: Zhalyn. – 144 p. (in Russian)
- Kozlov S.V. (2013). Literaturnaya antropologiya i poetika personazha [Literary anthropology and poetics of the character] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, № 7 (25) 2013, chast' 1, pp. 92-98 (in Russian)
- Moskovchuk A. (2022). Tokaev prizval byt' gotovymi dat' otpor pri ljubyh ugrozakh [Tokayev urged to be ready to fight back in case of any threats]. [Electronic resource]. – URL: <https://www.zakon.kz/6028139-tokaev-prizval-byt-gotovymi-dat-otpor-pri-ljubykh-ugrozakh.html> (in Russian)
- Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Kazahstane v XIX – nachale XX vv. Sbornik dokumentov. (2020). [National liberation movement in Kazakhstan in the XIX – early XX centuries. Collection of documents]. ed. by Z.E. Kabul'dinov, – Almaty: «Litera-M». – 544 p. (in Russian)
- Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Kazahstane v konce XVIII – nachale XX vekov. Sbornik dokumentov (2019). [The national liberation revolt in Kazakhstan in the late 18th and early 20th centuries. Collection of documents]– Almaty: «Litera-M». – 640 p. (in Russian)
- Nalivkin V. (1886). Istorija kokandskogo hanstva [History of the Kokand Khanate]. – Kazan': Tipografiya imperatorskogo universiteta. – 215 p. (in Russian)
- Qalqabaeva S.A. (2021). Korkem obraz pojetikasy [Poetics of artistic image] // Filologija serijasy. No3 (183). 2021, pp. 115-126. (in Kazakh)
- Qazaqstan tarihy. Jenciklopedija. Tom 3. (2020). [History of Kazakhstan. Encyclopedia. Vol 3.] – Almaty: «Litera-M» ZhShS. – 824 p. (in Russian)
- Semenov Tjan'-Shanskij P.P. (1999). Ot Peterburga do Semipalatinska. Iz istorii kazahov: Sbornik [From Petersburg to Semipalatinsk. From the history of the Kazakhs: Collection]. – Almaty: TOO «Zhalyn» baspasy». – 528 p. (in Russian)
- Shepelev A. (1879). Materialy dlja istorii Hivinskih pohodov 1873 goda. Oчерk voennyh i diplomaticheskikh snoshenij so Sredneju Azieju [Materials for the history of the Khiva campaigns of 1873. Essay on military and diplomatic relations with Central Asia] https://www.academia.edu/44137643/Шепелев_А_Материалы_для_истории_Хивинского_похода_1873_года_I_Очерк_военных_и_дипломатических_сношений_России_с_Средней_Азией_Ташкент_1879 (in Russian)
- Shmidt S.O. (2002). Pamjatniki hudozhestvennoj literatury kak istochnik istoricheskikh znanij [Monuments of fiction as a source of historical knowledge] // Otechestvennaja istorija. №1, 2002, pp. 40-49. (in Russian)
- Smoljakova V. (2022). Hudozhestvennaja literatura kak istoricheskij istochnik dlja issledovaniya doreformennoj Rossii [Fiction as a historical source for the study of pre-reform Russia] // Istorija Rossii: s drevnejshih vremen do 1917 goda. 2022, pp. 61-71. DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.46.2.05 (in Russian)
- Sokolov Ju. (1965). Tashkent, tashkentcy i Rossija [Tashkent, Tashkent people and Russia]. – Tashkent: Izdatelstvo «Uzbekistan». – 190 p. (in Russian)
- Sovetskij jenciklopedicheskij slovar' (1985). [Soviet Encyclopedic Dictionary]. – M.: Sov. Jenciklopedija. – 1600 p. (in Russian)

- Svjatoslavskij A. (2017). *Mezhdru vymyslom i real'nost'ju: Hudozhestvennaja literatura i publicistika kak istoricheskij istochnik* [Between Fiction and Reality: Fiction and Journalism as a Historical Source] // *Professional'naja istoriografija i istoricheskaja pamjat': Opyt peresechenija i vzaimodejstvija v sravnitel'no-istoricheskoy perspektive* / Pod. red. O. V. Vorob'evoj, O. B. Leont'evoj. – M.: Akvilon, 2017. – pp. 49–72. (in Russian)
- Temirgaliev R. (2019). *Jepoha poslednih batyrov* [The era of the last batyrs]. – Almaty. – 376 p. (in Russian)
- Tjutelova L.G. (2011). *Dramaticheskij sjuzhet i problema avtora kak subjekta tvorcheskoj dejatel'nosti v drame* [Dramatic plot and the problem of the author as a subject of creative activity in drama] // *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Serija «Filosofija. Filologija»*. 2011. 2(10), 158-169 pp. (in Russian)
- Valihanov Ch.Ch. (1984). *Sobranie sochinenij v pjati tomah* [[Collected works in five volumes]. V. 1. – Alma-Ata: Glavnaja redakcija Kazahskoj sovetskoj jenciklopedii, 1984. – 432 p. (in Russian)
- Valihanov Ch.Ch. (1985). *Sobranie sochinenij v pjati tomah* [Collected works in five volumes]. V 3. – Alma-Ata: Glavnaja redakcija Kazahskoj sovetskoj jenciklopedii. – 416 p. (in Russian)
- Velikie imena Velikoj stepi. *Sbornik materialov* [Great names of the Great Steppe. Collection of materials] (2019). – Almaty: Litera-M. – 640 p. (in Russian)
- Venjukov M. (1868). *Puteshestvija po okrainam russkoj Azii i zapiski o nih* [Travels around the outskirts of Russian Asia and notes about them]. – S-Peterburg: Tipografiya imperatorskoj akademii nauk. – 528 p. (in Russian)
- Chirobocea-Tudor O. (2017). *Perspectives on the Relation between History and Fiction*. // *Philologica Jassyensia*. 2017, pp. 191-202.
- Wathen W.H. (1834). *Memoir on the U'zbek State of Kokan, properly called Khokend, (the Ancient Ferghana), in Central Asia* // *The Journal of the Asiatic society of Bengal*. Vol.III, №32. – 2022. https://www.academia.edu/47537236/Wathen_W_H_Memoir_on_the_Uzbek_State_of_Kokan_properly_called_Khokend_the_Ancient_Ferghana_in_Central_Asia_The_Journal_of_the_Asiatic_society_of_Bengal_Vol_III_1834_32
- Lansdell H. (1885). *Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. Vol. 1 – Boston: Houghton, Mifflin, and company. – 687 p.